

So Coldwater

Рyкн

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

So ColdWater

Руки

<https://litres.ru/74128143>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что такое убийство? Это страх, паника, бегство. Предательство - это когда спасшему тебя человеку отплачиваешь харчком в спину. Но кто кого предал? Почему на меня так сильно давит мое детство? Повсюду вижу пьяного отца. Могу ли я спастись от всего этого ужаса?

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

So Cold Water

Руки

Глава 1.

Музыка прекратилась, иссяк запас силы мелодии. Говоря простым языком, что-то погибло. Дорогой марки конфету закончили поедать, от нее остался лишь фантик, осталась лишь тишина. Жизнь вытекла из серого и хрупкого сосуда густой мерзкой жижей.

Или, может быть, это был не сосуд, а глубокая черная яма, в которой кто-то сидел на корточках, задрав голову вверх, и пристально за тобой наблюдал. Кто-то, кто видел тебя, кто владел *твоей* возможностью видеть. Вырезав твои глаза, ма-няк вставил их в свои пустые глазницы, годами пылившиеся без хозяев. Он забрал себе самое ценное, что у тебя было. Он хищник, ты жертва. Но он не просто животное, он зверь с отклонениями, он паразитировал на своем превосходстве перед тобой. Ему доставляло удовольствие не только устранять собственный голод, не только возвращать себе свои органы, как он это сделал с глазами, ему нравилось просто причинять тебе боль. Красивой мелодией он просто дразнил твою психику, будто иглой колол нерв изнутри. Он готовил тебя к чему-то еще больше жесткому, фаршировал

тебя, как ягненка, пережеванной пищей.

Я нахожусь в кромешная тьме, я и есть тьма. Он где-то здесь, совсем рядом. Нельзя забываться, как бы легко это ни было. Может быть, прямо сейчас он вонзит в мою спину свой ржавый холодный нож. Время предательски его прячет, бессовестно прикрывает. Где-то впереди, шагах в ста от меня, шипит кислота. Она безвозвратно растворяет часы моей жизни, как могла бы, к примеру, растворить белки моих глаз.

Нет, здесь ничего нет. Мозг меняет стратегию. Идет от обратного, удаляет полностью целый мир, ведь без возможности его видеть, доказать, что он вообще есть, не получится. Здесь никого нет.

Я тут один. Я тут один, потому что обратное не могу доказать. У меня нет ощущений, мне ни приятно, ни неприятно. У меня нет ничего, я и есть пустота, буквально. Я орган, скрытый толстой кожей хозяина. Я часть чего-то, не автономен; я что-то вроде желудка или, может быть, печени. Я выполняю свои функции и не могу их не выполнять. Если мой хозяин сделает что-то неправильно, я стану работать для него хуже. Если *он* засорит свой организм, я останусь все тем же безропотным слугой своего короля. Тонущим я начну умирать в безысходности. Черная жижа окутает все мое тело, но прежде, чем погрузиться в нее до конца, я разомкну свои похолодевшие губы и дрожащим голосом из последних сил прошепчу, что не имел права быть никем, кроме жертвы.

Пришел в себя, будто в час ночи с меня сбросили одеяло.

Выстрелом из ружья вылетел из кошмара, бросившись в бездну с кровати. Я падал или тонул. Это не вакуум, нет, и не воздух - склизкое, холодное вещество. Дна в этом омуте не было, но я был им схвачен. Он все же разжал свою жирную руку какое-то время спустя. После этого жижа кончилась, я полетел вниз. Охотники бросились на меня сзади, бросили на меня сеть. Я стал обездвижен, упал. Медленным шагом ко мне двигались два крупных мужчины. В глазах двоится, мир панично трещит. Я вижу, как колотится мое сердце, как к моему лицу празднично шагают две пары железных сапог. Они тяжелые, от мужчин пахнет пивом и потом. У них ружья и топоры. У них оскал волка и медвежьих тел.

Охотники. Браконьеры. Люди.

Я дернулся и ударился обо что-то. Чем-то. Что-то болело, вроде бы. Звон в ушах, весь мир будто колеблется. Нет, не мир - пустота, частью которой я стал по чужой воле. Никто меня ни о чем не спросил.

Я завершил игру и меня отключили. Я выполнил свою роль и меня спрятали в шкаф. Это бесконечный простор для всех тех, кто в жизни больше не нужен. И я точно здесь не один. Либо же, я самый первый, кого наградили стекающей с губ ледяной смертью. Стою на коленях, смотрю вверх на того, кто ее на меня льет. Я не вижу своего палача, стону от ссадин на теле и боли в лице, покорно принимая грязные муки.

Это место - не шкаф, оно хуже. Не важно, что это. Ничего

не важно. Меня никто не донимает сейчас, я в безопасности. Не важно, что у меня нету глаз. Это цена. Но за что?

Ни важна ни одна мысль. Попытки противиться не несут смысла. Я не владею своей судьбой до конца. Здесь все делается за меня. Жестокий зверь - кукловод, я марионетка. Жестокий зверь мордой катает по земле мое мертвое тело. Я помню эти стуки головой о землю. Они были заменой стукам моего отказавшего сердца.

Оно отказалось. Я чувствую холод. Или я себе его выдумал. Меня трясет. Где я? Если я зарыт под землей, значит мне должно быть тепло от приближения к распаленному муками божеству. О, это ядро - второе солнце. Падший ангел, отвергнутый своим братом. Он остывает, ибо он больше не заслуживает ничьего уважения. Он совершил страшный проступок. Он остывает, вот что самое главное. Это значит, что я действительно могу быть под землей.

Я могу быть в аду. Там не обязательно жарко, там будут убивать чем угодно, в том числе и контрастом. Ледяной душ, потом засунут в котел. Закинут в отсыревший чулан на несколько суток, а потом вынудят бродить босиком под палящим солнцем пустыни. Стоять на гвоздях, бежать по обжигающему песку, спускаться вниз в узком туннеле по лестнице с лезвиями вместо ступеней. Топором по пальцам и мед на лицо. Голову успокоит мелодия, а потом годами я не услышу ни звука. Тишина выворачивает меня наизнанку, меня сильно тошнит. Я уже выспался, дайте проснуться. Почему

здесь никого?

Она продолжалась. Ком чудовищной черноты нарастал, набирал скорость, приближался, как смерть. И мне она стала понятнее от того. Будучи живым смерть невозможно представить, но в моем состоянии... да и жив ли я... Нет, беспроглядная мгла - лишь вступление. Когда темнота в темноте для тебя станет не чем-то единым, когда ты научишься различать черный цвет от черного цвета, тогда ты и упадешь на колени, тогда ты и прольешь горячие слезы на свои грешные руки. Со сложенными ладонями будешь молиться за свое спасение всем богам, и боги, в которых ты никогда и не верил, будут по очереди плевать на тебя с вершин своих незыблемых гор, и это будет самым простым из всех возможных для тебя наказаний.

Двигаться было страшно. Я и не хотел двигаться. Я не хотел снова обо что-нибудь ударяться. Кто знает, что здесь висит. Кто. Дюжина железных мечей, десять повешенных за ноги трупов. Тут могут и картины висеть. Как много картин я успел увидеть за свою жизнь? Это могут быть гигантские коридоры старинного замка. Ночь. Идешь по ним с потушенным факелом. Забыл, забыл его зажечь по своей непрости-тельной глупости. Забыл, вот растеряха, прихватить с собой свое тело, чтобы держать на поводке и вести за собой напу-ганым псом кому-то нужную жизнь. Без всего этого я не больше, чем пресный призрак.

Кто мог нарушить идиллию злого спектакля, если не сам

его сценарист? Со стороны, куда я смотрел, послышался слабый шум, будто игравший ранее человек убирал свой инструмент в предназначенную для него сумку. Определить расстояние до него было трудно. Я будто бы не спал пару суток, от чего трудной для меня становилась реализация любого из своих редких желаний. Захотелось увидеть цвет инструмента, цвет упаковки, цвет лица исполнителя. Я попытался прищуриться, но испытал не самые приятные ощущения, на что можно было рассчитывать и что лучше вообще не пытаться представить.

Комната оказалась огромной, ибо хлопок дверью я услышал примерно в ста метрах. Хотелось верить, что теперь я здесь точно один. За моей спиной ехидно улыбнулись сотни таких же мертвых существ. Что должно произойти дальше?

Послышался новый звук. Уже с другой стороны. Игра на скрипке сменилась игрой на маленьком ксилофоне. Медленными ударами ноты на одну то повышались, то понижались. До смерти оголодавшую кошку кормили навозом - вот с чем можно было сравнить мое положение. И я с наслаждением чавкал, упиваясь подаренной мне благодатью, ведь лучше слышать хоть что-то, чем совсем-совсем ничего. Что угодно лучше чем ничего. И ты прекратишь спорить с этим, лишь когда окажешься на моем месте. А ты окажешься, о наивный читатель. Поверь мне, во имя движения к четко поставленной цели твое сознание будут мять тысячи раз, каждый раз придавая ему новую форму, создавая из него нужный объ-

ект. Ты будешь ставить свое детство выше всего остального, если потребуется, ты будешь несчастен, если потребуется, ты будешь желать завоевать всю планету, если так будет нужно. И нельзя доказать, что где-то на этом свете не хранятся все записи с досконально выверенной информацией о том, что, кому и когда будет нужно.

Ксилофон все еще издавал звуки. Несуществующий исполнитель и не пытался развлечь нас, он играл для себя, а мы слышали его совершенно случайно. Мы не критика, мы наблюдение. Молчание, экзистенция пацифизма. Нам не нужно проблем, мы не скажем, что игра на ксилофоне ужасна. Нас все устраивает. Нам не нужно проблем. Нет, я не слышал никакой музыки.

Я думаю, что на скрипке играла темноволосая девушка, а на ксилофоне - мужчина, может быть, рыжий. Такие образы строит мое воображение, основываясь лишь на их исполнении. Мне предоставлена лишь темнота, как я делаю из нее образы? Как я мыслю, будучи мертвым? Почему эта дрянь не кончается, почему задаются вопросы? Скорее всего, сейчас короткими палочками по металлическим пластинам разных цветов бьет ребенок возрастом пяти или, может, шести лет. У него густая рыжая борода и очки с красными стеклами. Что служит материалом для воссоздания этой внешности в моей голове? *Голове?* **ВЕДЬ Я НАХУЙ НЕ СУЩЕСТВУЮ.**

Я не слышал музыки, мне отрезали уши. Вероятность,

что за инструментом сидит какая-нибудь старушка или какой-нибудь дряхлый старик тоже не нулевая. Инопланетный пришелец тоже мог бы издавать похожие звуки. У него пять костей могут торчать из груди, и ими он, поочередно, может быть, стучит по стволам железных деревьев не нашей планеты. А его голова? Вместо глаз две непроглядные бездны, а рот зашит розовой нитью. Да, а седые жидкие волосы украшает детский бантик в горошек. И зовут ее, например...

Музыка прекратилась. Я чуть не оглох. Перед глазами стали мельтешить искры, хоть я так и не привык к темноте. Я решил сесть, хоть и рисковал удариться обо что-нибудь. Любым действием рисковал всем. Пол был холодным. Я оперся на него своими ладонями, отогнувшись назад. Вот бы сейчас, вот бы прямо сейчас в эту комнату зашел повар в белых одеждах и поставил передо мной поднос с любым из возможных десертов. Меня так тянет на сладкое, что я готов убить за него. Может быть, прямо сейчас я являюсь чьим-то десертом, находясь в этом безграничном шкафу; в холодильнике, заполненном кусками мертвых тел. Таких же, как я.

И мои руки лежали на холодном полу. И я их, конечно, не чувствовал. Все потому, что все мое внимание было обращено на непробиваемую темноту. Ужас, столь сильный, что легко мог превратиться в монструозного мясника с тесаком, или выдать из-под себя бойкую ведьмочку лет шестидесяти пяти с кривыми зубами... Только бы не отец.

Я отвлекаюсь, чтобы не думать о том, как меня изуродо-

вали. Смысла в моих мыслях не было никакого. Как и в этой, в этой глупой констатации факта. Я могу предполагать и задавать себе сколько угодно вопросов, пока не умру. И даже после того, как умру. Исходя из этой очевидной истины, я перестал. Перестал задавать себе тупые вопросы? Вследствие этого, действия и прекратились. Работа моего мозга остановилась, музыки новой не появилось, дверью не стали стучать, а я продолжал не чувствовать своих рук и холодного пола, параллельно опасаясь объяснить отсутствие этих чувств незванно пришедшей бесформенной смертью. Глупо, но стоит признать, что она никогда не приходит, ведь уходить ей бессмысленно.

Но руки мои все еще были на холодном полу, вот в чем загвоздка. Обезопасив себя отключением мозга я не смог отключить в себе жизнь. Проклятая дрянь! И может только сильнейший, только слабейший, грязнейший и самый отчаявшийся. Пойти на убийство может лишь сломанный, может лишь уже не живой. Кем-то уже раньше убитый.

Правую мою руку задела скользкая рыба. Это значит, что я под водой. И вместо холодного пола под моими руками оказывается мокрый песок. Я нащупываю в нем что-то. Морские звезды. Наверное, они ядовитые. Если так, значит яд уже проникает в меня, уже ползет по моему мерзкому телу мелкой ящеркой, отравляя мне вены, приближая мою откусанную хищником голову к его желудочной кислоте. Она переварит меня, она уничтожит мою оболочку, но что будет

дальше, что будет, когда голая птица покинет еще теплую клетку?

Я почувствовал птичьи когти макушкой. Мне на голову села ворона. Значит, я на земле. Мозг, пытаюсь выстроить логическую цепочку, отрезал мне руки, чтобы я не мог задаться вопросом о холодном полу. Сжег их, не оставляя возможности сомневаться в очередной истине. Будь я своим мозгом, будь у меня такая возможность, я бы сжег всего себя самого. Я на земле, я не под водой, я могу быть в подвале. Никто не запретит засунуть птицу в подвал, как и засунуть мне руку в птицу. Кстати, она обосралась мне на голову и белое говно теперь течет по моим волосам. Я попытался представить запах птичьего помета, но, кажется, слишком редко его ощущал. Представить запах человеческого или животного удалось без проблем. Я стал верить, будто теперь по мне течет горячий понос, капая прямо на землю, прямо на пол, прямо на мокрый песок.

Неприятно. Я не хочу, чтобы говно существовало. Я бы хотел, чтобы мои руки существовали, но так, чтобы они не оказались орудием хищника.

У меня очень много свободного времени, которое я и представить не могу, как и на что можно потратить. Нужно ли мне его тратить, если я уже привык жить так, как живу? Живу ли я - бесполезный вопрос, как и любой вопрос, что я мог бы задать, что я и задаю. Моя главная цель - существовать, и ничего мне не мешает ей следовать. Когда придет

хищник, когда метеорит свалится на планету, когда все материки затопит водой, тогда я и стану думать о том, как сделать свое существование лучше, но сейчас, как мне кажется, оно уже неоспоримо прекрасно. И никто не сможет с этим не согласиться, ведь рядом со мной никого нет, нет и меня.

И не будет, надеюсь. Я имею ввиду, никого рядом со мной. Я бы хотел жить так всегда. Темнота - мой теплый дом, мое самое любимое место. Она съела мой голод, пережевала все другие потребности, благодаря ей я свободен. У меня здесь нет страхов или сомнений. Это место лишено ужасных вещей, коими насыщена жизнь. Это место лишено любого намека на жизнь, отчего мне здесь до ужаса плохо.

Глава 2.

Никто и не пытался меня догонять. Я стоял на том месте тогда и пыхтел, беззастенчиво создавая своим тяжелым дыханием призрачный пар паровозной трубы. Он беззастенчиво улетал в космос, умирая, не долетая и до сотой части всей глубины этого жуткого океана.

На резкий звук никто не сбежался, сцена завершилась удалением из хода истории очередного героя. Вытерев пот со лба, предварительно стянув с себя шапку-гондонку, я осмотрелся. Темнота, тишина, только снег под фонарем своим мельтешением противится моему действию, как и бездействию. Он беззастенчиво паникует, беззастенчиво заставляя паниковать и меня. Нет, я здесь точно один. Иначе убил бы и их. Я сильнее.

Я был сильнее, чем он, и поэтому смог его застрелить. Продырявил ему ладонь, потом выстрелил в его голову. Теперь под моими ногами в снегу лежит его тело в крови. Его черное пальто и его черная шапка-ушанка под моими ногами. Сквозь одежду пробирается мороз, но содеянное убило во мне все человеческое, в том числе и ощущение холода. Изнутри меня будто кто-то раздувал, как раздувают костер. Я все сильнее накалялся; вот-вот засвечусь, будто жидкая сталь. Как бы то ни было, я точно чувствовал что-то, а именно, как воск, из которого, очевидно, и было сотворено все

мое тело, плавился под адским огнем незыблемого преступления. Он стекал с моих плеч к ногам и сразу же застывал от мороза, таким образом приковывая меня к земле, отрубая единственный путь к отступлению.

Что мне делать дальше? Я, что ли, знаю? Возвращаться обратно нельзя, и то, что я убил человека на таком близком расстоянии к своему дому, дьявольски опасная штука. Уйти в лес? Кажется, мне ничего кроме и не остается. А останься я здесь еще на пару минут и меня легко разоблачат на месте собственного преступления.

Я победил, вот почему я спокоен. Все кончено. Но мне, все же, нужно где-нибудь спрятаться. Это настолько же важно, насколько неважно. Необходимо, но до глупости легко достижимо. Можно еще чуть-чуть не спешить. Еще чуть-чуть осмыслить произошедшее. Я выполнил свою миссию, теперь моя жизнь лежит в руках случая, а он, я уверен, накажет меня, как никого никогда не наказывал. Но сбежать отсюда мне даст.

Труп лежал в достаточно удобном месте, чтобы убедить меня, что найти его могут не сразу. Говоря конкретнее, он был невидим для улицы благодаря заброшенной двухэтажке с заколоченными отверстиями бывших окон, походившей на что-то вроде старого магазина. Таким же образом невидим оставался и я, смотря на дощатую длинную стену и, перпендикулярно ей подле нее, распростертое убитое существо. Очень простая композиция: центр занят мужским трупом, а

задний план, как родитель погибшего, застыл в шоке, предзнаменовывая гремящее обрушение своей скорби. Я уже стоял меж первых деревьев забирающего меня к себе леса, когда обернулся, чтобы оценить ужас собственных действий, но я не смог хоть чего-нибудь почувствовать. Ни внутри меня, ни снаружи не происходило вообще ничего. Это, как уже можно было понять, было далекое место от центра города, я жил на окраине. Выстрел могли слышать где-нибудь в ближайших панельных домах, но идти оттуда досюда придется не менее, чем полчаса, и то, если херачить с моей скоростью, а я редко встречал таких же, как я, легко раздражаемых улицей, и от того носящихся по ней, как больные.

И, все-таки, я снова застыл, будто не решаясь совершить злостный побег. Стоял вполоборота и ощущал, как растворяется мозг, безуспешно пытаюсь соединить две детали простейшего паззла в омерзительную тошнотворную картинку. Я не ощущаю своей ответственности за содеянное, не верю, что ранее существовал в этом мире. Я настоящий родился уже после всех этих событий.

Идти по лесу будет трудно, кто мог бы подумать. Здесь темно. У меня сел телефон. Или его у меня вовсе нет. Разве сейчас это важно? Важно двигаться как можно быстрее.

Оп, и нога потонула в снегу. Оп, и вторая. Полные ботинки холодных внутренностей убитого. Да, я чувствовал, как мокро становилось ногам. Но я не могу лишний раз предавать чему-либо слишком много внимания. Я должен бежать,

пусть даже за мной пока и не гонятся. Даже думать о том, куда именно я должен броситься, я не мог, ведь все мои силы ушли в сам трусливый процесс, пинками толкающий меня подальше от совести. Я не бежал не только из-за того, что пытался начать с нею спорить, или из-за того, что бежать по таким высоким сугробам было непросто. Нет, на самом деле все мои силы уже были потрачены на нажатие указательным пальцем одной из моих омерзительных рук на курок охотничьего ружья. В моральном плане я оказался убийственно слаб, да и в физическом еще хуже.

Такая тишина. Глупая. Мол, это то что следует после убийства? Мол, ничего? А что сейчас чувствует тот человек, которого я убил? И не надо мне говорить, что он не чувствует ничего, у меня же все мысли в голове разлетелись от взорвавшейся в ней бомбы вседозволенности, вместе с ними разлетелась и логика. Кого я убил, кстати? Мы с ним чего-то не поделили? Был ли он кем-то из моей семьи?

Ветка хлестнула меня по лицу. Так и надо. Надеюсь, еще несколько раз меня пизданет. Я приложил к щеке оружие всех своих бед - правую руку. Пальцы ледяные, как никогда, а голова вся горит. Сердце стучит не бешено, но тяжело, со скорбью к моей сдохшей душе. Негоже изувеченному сознанию жить в теле без единой царапины, так пусть же мне причинят еще больше боли, дабы поставить меня обратно на место. Я должен почувствовать отдачу в ответ на свой выстрел, так пусть в меня тоже выстрелят из ружья.

Над головой что-то пролетело, осветив меня остатком, большей частью скрывающегося пышными елями, яркого света. Это произошло спустя осязаемое время после того, как я начал делать грустные шаги по сугробам. После того, как произошел обрыв моих мыслей и их несколько десятков минут не было вовсе, либо на все черепное пространство растеклась тонким слоем одна. Я поднял голову, прикрыл глаза левой рукой. Что, уже вертолеты? Нет, уже никого. Это было бесшумно. И быстро.

Оно улетело в ту же секунду, заставив меня еще сильнее сомневаться в метющемся из одного угла клетки в другой своем полужидком рассудке. Я потряс головой, опустил взгляд на гладкие холмики дикого снега, сделал шаг в ту же сторону, в которую шел. Дышал я такими же залпами, какими делал шаги. И то и то давалось так тяжело, будто я был на луне или, может, во сне. Еще шаг, еще. Нужно двигаться дальше. Наверно, уже реально надо бежать, но я ускорился лишь самую малость. Надо двигаться дальше. Как долго? Как можно дольше. Сколько есть сил. И главное успокоиться: лес огромный. Меня съедят волки.

Слеплен из того, что под руку попалось: я такой, какой есть. *Что?* Размышляю о всяком. Разговариваю сам с собой?

Ночную тишь будоражили лишь мои размеренные шаги. Так ходят охотники, когда вдоволь насладились сутками на природе, хоть и не богатыми на убитую дичь, двигаясь к своему частному домику, освещенному гирляндами под новый

год. Зудящий в сознании труп в реальности был уже далеко, все было предельно спокойно. Можно было начать паниковать от того свечения надо мной, и я по немногу и начинал, хоть и плеская себе в лицо изничтожающую всякую чувственность воду. Стоит признать, что я отлично справлялся с отвлечением себя от этого слона в лавке. И еще от одного. И вообще, все-таки убит был не я, все-таки все не так плохо. На мне теплая куртка, у меня целы руки-ноги, есть глаза, уши, я довольно бодро шагаю вперед, тем более для человека, который впервые за всю свою жизнь забрел в лес посреди ночи. И вокруг деревья не такие и страшные, хоть кроме дружелюбных сосен и елей и стоят застывшие обнаженными костлявые чудища с дюжинами напрягающих меня разветвлений. Так или иначе, нам с детства прививают этот образ доброго нового года, с детства между хвойным деревом и добром протягивается все сильнее рвущаяся с каждым другим годом невидимая параллель. *Да, но...* О чем я, черт возьми, думаю?

Я остановился, но не так резко, как мог бы. Сердце похолодело, глаза стали слезиться, но стена разрушена еще не до конца, хоть этот удар и был достаточно мощным. *Блять*, быть таким спокойным вообще не нормально. Я человека убил. Стою в лесу где-то. Ебанный рот, что происходит?

Я был единственным, кто его понимал. Этот человек дружил только со мной. Для него я был целым миром. Сейчас его труп валяется прямо передо мной. *Где?* Это немыслимо...

Что он мне сделал, за что я лишил его жизни?

По всему телу тысячей вставших солдат прошла дрожь, как только я осознал, что с момента его убийства и пальцем не пошевелил. Мне привиделся план своих действий, я представил самый лучший из всех вариантов. Но тут самое время глубоко вздохнуть и припомнить, что из себя, на самом деле, представляет наша равнодушная ко всем бедам несудимая жизнь. Она, по своей сути, далека от сборника грамотно сочетающихся между собой идеальных решений. Настолько далека, что ничто с ней не сравнится.

Знаете, трудно описать это ощущение, я испытал его первый раз, либо же впервые за несколько лет. Будто перед матерью спалился, что смотришь то, чего не должен смотреть. Будто разъяренный отец увидел как ты гладишь котенка. Будто ты со всей силы ударил свою маленькую сестру перед своим старшим братом. Горела часть выше груди, как будто изнутри тысяча принадлежащих тебе самому карателей поднесли тысячу спичек к твоей нежной коже, не знающей тяжелой работы.

Колени стали трястись, руки вспотели. Нет, конечно нет, вы что поверили, что я уйду от убитого своими же руками человека с холодной до равнодушия головой? Щеки, лоб, все лицо, да весь я будто воспламенился, стал пóтом выпускать из своей худощавой многоэтажки паникующих жителей. Я медленно стянул с себя шапку, от чего усилился приток слез к глазам. Все, что я должен был видеть, потонуло за слоем

соленой воды. Тело получило разрешение дать реакцию, как получило бы от любого, даже самого незаметного бессмысленного движения.

Я упал на колени. Грохнулся, хоть и не стал сразу рыдать, хоть уже и практически начал. Грохнулся, хоть вокруг так ничего и не решалось взорвать тишину. Я опустил свою голову, я закрыл лицо ледяными ладонями, издал звук скулящей от потери хозяина псины; я весь трясся, но все еще не ревел. Я ждал наказания, но никто не прибежал: ни старший брат, ни мать, ни отец. А я ждал, я не верил, я слишком рано смирился, я сдался. Как мне казалось на тот момент, у меня не было сил, чтобы встать, не говоря о том, чтобы куда-то бежать. Впоследствии я не раз убежусь, что силы всегда есть, что мозг по приколу любит лишать человека возможности действовать, что надо лишь дать себе не слабый такой подзатыльник и сразу же действия по разрешению даже самой тяжелой проблемы сами собой начинают происходить друг за другом. Знал бы я это тогда, взял бы я себя в руки, вместо того, чтобы бессмысленно тратить ставшее драгоценным преступно короткое время на какие-то траурные обряды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.